

М. С. Морозова (Санкт-Петербург)

ВЫБОР ЯЗЫКА И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В БАЛКАНСКОМ ПОЛИЛОГЕ (НА ПРИМЕРЕ БИЛИНГВАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ВЕЛЯ-ГОРАНЫ, ЧЕРНОГОРИЯ)¹

1. ВВЕДЕНИЕ

Разнообразие би- и полилингвальных ситуаций, наблюдаемых в различных регионах Балканского полуострова, дает богатый материал для изучения того, как функционируют языки в полиэтничном и полилингвальном сообществе и какие факторы определяют выбор языка говорящим. В балканском полилоге языков и культур одной из основных стратегий речевого поведения билингвов является переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсивного единства, или переключение кодов (ПК).

В обширной литературе о билингвизме и ПК прочно утвердилось мнение о том, что выбор стратегии речевого поведения, осуществляемый билингвальным говорящим (выбор только одного из двух языков либо их попеременное использование, т. е. ПК), имеет социальную мотивацию и несет определенную функциональную нагрузку (Gumperz 1982; Heller 1988; Myers-Scotton 1993; 2006). В антропологических исследованиях речевое поведение может рассматриваться как акт идентичности (act of identity), поскольку, выбирая стратегию, приемлемую для сообщества, к которому принадлежит или хотел бы принадлежать говорящий, он тем самым отождествляет себя с этим сообществом (Le Page, Tabouret-Keller 1985: 181). Ведущая исследовательница билингвизма К. Майерс-Скоттон отмечает, что языки в билингвальном сообществе, как правило, имеют разный статус и неодинаковые социальные функции и, выбирая тот или иной язык, члены этого сообщества «отражают собственные представления о себе и о своих взаимоотношениях с другими участниками

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 14-18-01405 «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте».

коммуникации» (Myers-Scotton 2006: 143). Модель описания процессов выбора, предложенная К. Майерс-Скоттон (Myers-Scotton 1993; 2006)², предполагает, что выбор языка может быть маркированным и немаркированным (marked choice, unmarked choice). При ПК в отдельно взятом диалоге или полилоге билингвальный говорящий выбирает то один, то другой язык, выполняющий в сообществе определенную функцию. Немаркированный выбор «имеет место тогда, когда говорящий следует установившимся в языковом сообществе правилам речевого поведения и переключается в соответствии с ожиданиями слушающего»; маркированный — «в том случае, если говорящий <...> сознательно производит переключение таким образом, что это замечается собеседником как отклонение» (Головки 2001: 299). В некоторых сообществах, по мнению К. Майерс-Скоттон, тенденция к постоянному переключению между двумя языками в диалоге может быть интерпретирована как немаркированный выбор, который несет информацию «о **двойных идентичностях** (выделение К. Майерс-Скоттон. — М. М.) или причастности к обеим культурам, которые описываются этими языками» (Myers-Scotton 2006: 167)³.

В настоящей статье описываются стратегии выбора языка в славяно-албанском билингвальном сообществе, которое проживает в селе

² См. в (Myers-Scotton 2006: 154 и сл.) обзор основных моделей, которые применяются для описания выбора языка билингвальными говорящими: 1) теория коммуникативной аккомодации (Communication Accommodation Theory), разработанная социальным психологом Г. Джайлзом и его коллегами (Giles et al. 1991); 2) модель маркированности (Markedness Model) К. Майерс-Скоттон; 3) конверсационный анализ (Conversational Analysis), применение которого к билингвальной коммуникации принято связывать с именем П. Ауэра (Auer 1998). Аккомодативная модель в большей степени ориентирована на предпочтения собеседника: поведение говорящего описывается с точки зрения его стремления / нежелания корректировать собственное речевое поведение, чтобы расположить к себе собеседника / дистанцироваться от него. С точки зрения теории конверсационного анализа социально значимые функции и значения, стоящие за выбором языка, создаются собеседниками непосредственно в процессе коммуникации.

³ Е. В. Головки пишет о ситуациях, в которых коммуниканты не просто переключают коды в соответствии с принятыми в языковом сообществе конвенциями, но, по-видимому, «неспособны разделить два кода» (например, волоф и французский в Дакаре). Такое переключение кодов предлагается называть немотивированным (Головки 2001: 301).

Веля-Горана на юге Черногории. Материалом для исследования служат записи диалогов и полилогов с участием моно- и билингвальных говорящих, сделанные в ходе полевой работы в Веля-Горане осенью 2014-го, весной 2015-го и осенью 2015 года. Выбор языка билингвами Веля-Гораны описывается в терминах модели маркированности (Markedness Model) К. Майерс-Скоттон. Рассматриваются два способа одновременного использования двух языков: «переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсивного единства» (переключение кодов, ПК) и «говорение на одном языке с включением элементов другого языка» (смешение кодов, СК) (Русаков 2004: 69), с преимущественным вниманием к первому⁴. Проводимый анализ языкового материала направлен на выяснение того, как на наличие или отсутствие ПК влияют индивидуальные особенности коммуникантов (возраст, пол, происхождение, уровень языковой компетенции и др.), и какие конвенции и «правила», регламентирующие выбор языка и ПК, существуют в сообществе Веля-Гораны. Результаты исследования могут послужить моделью коммуникации в билингвальном микрообществе, представляющем собой образец одного из характерных типов полиэтничных и полилингвальных сообществ Балканского полуострова.

2. СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗУЧАЕМОМ СООБЩЕСТВЕ. СМЕШАННЫЕ БРАКИ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Село Веля-Горана (чрнг. *Velja Gorana*) расположено в полиэтничном и поликонфессиональном микрорегионе на юге Черногории, между городами Бар и Улцинь. Большую часть населения Улциня и его окрестностей

⁴ К. Майерс-Скоттон в своих работах рассматривает ПК на границе предложений (intersentential CS) и ПК внутри предложения (intrasentential CS) как внутренне единое явление (Myers-Scotton 1993; 2006; Русаков 2004: 68). П. Мэйскен, в отличие от К. Майерс-Скоттон, противопоставляет переключению между предложениями (code switching) «смешение кодов» (code mixing), которое происходит внутри предложения, подчеркивая, однако, что между некоторыми видами ПК и СК может не быть существенной разницы (Muysken 2000). В настоящей работе, вслед за А. Ю. Русаковым (2004), используется терминология, близкая к терминологии П. Мэйскена, и применяется подход, близкий его взглядам. Наряду с собственно лингвистическими критериями, основанием для разграничения двух явлений является неодинаковое использование ПК и СК говорящими с разной речевой компетенцией (см. примеры).

составляют албанцы (преимущественно мусульмане, но есть и католики). В районе Бара живут православные черногорцы, а также имеется исламизированное славяноязычное население. Славяноязычные мусульмане проживают в племенных областях Мрковичи (чрнг. *Mrkovići* или *Mrkojevići* / алб. *Mërkot*), Туджемили и Пода (чрнг. *Tudēmili*, *Poda*). Веля-Горана находится на периферии территории мрковичей, большая часть которой лежит на плоскогорье к югу от Бара.

Жители Веля-Гораны, расположенной на славянско-албанском языковом «пограничье», в непосредственной близости от албанских сел, поддерживают брачные связи не только с мрковичами, но и с албанцами Черногории и пограничных районов Албании. «Горанцы» (чрнг. *goranac*) часто берут в жены албанок, а дочерей нередко выдают в албанские села. По свидетельствам сербских этнографов и диалектологов, подобная ситуация была характерна для Веля-Гораны и других «пограничных» с албанцами сел (*Vukići, Međureč, Leskovac, Pelinkovići*) на протяжении всего XX века, а возможно, и ранее (Јовићевић 1922: 113; Вујовић 1969: 82–83).

Благодаря традиции смешанных браков и связанному с ней притоку албаноязычного населения, в Веля-Горане «постоянно *воспроизводится* длительное состояние двуязычия достаточно больших групп людей» (Соболев 2015: 542). Языковой репертуар жителя села, как правило, включает два языка, которые в настоящей статье условно обозначены как «албанский» и «черногорский». Варианты лингвонимов, употребляемые разными говорящими (*sr̩pski* ‘сербский’ / *crnogórski* ‘черногорский’ / *goránsko* ‘по-горански’), в статье не анализируются и не используются. Как факт, нерелевантный для данного исследования, не принимается во внимание внутренняя неоднородность обоих идиомов — сочетание локальных черт говора мрковичей и общечерногорских диалектных особенностей в славянском идиоме Веля-Гораны и гетерогенность албанского идиома, о которой см. в (Морозова 2017а).

В сельском сообществе Веля-Гораны можно выделить несколько групп говорящих с неодинаковым речевым поведением, определяющими факторами которого являются возраст, пол и происхождение (Морозова, Русаков 2018). Основные группы, или социолингвистические профили, говорящих старшего и среднего возраста, речевое поведение которых анализируется в настоящей статье, показаны в таблице 1. Полную версию таблицы с отражением всех возрастных групп, в том числе детей, у которых стратегии

выбора языка и ПК специально не изучались, и характеристикой использования языков в различных домейнах см. в (Морозова, Русаков 2018).

Таблица 1. Социолингвистические профили жителей Веля-Гораны и использование языков в коммуникации внутри сообщества

№	возраст и пол	происхождение	язык(и)	общение внутри села
1	мужчина старшего возраста	«горанец»	чрнг., алб.	чрнг., алб.
2	мужчина среднего возраста	«горанец»	чрнг., алб.	чрнг., алб.
3	женщина старшего возраста	албанка	алб., чрнг.	чрнг., алб.
		«мрковка»	(а) чрнг., алб. (б) чрнг., (алб.)	(а) чрнг., алб. (б) чрнг., (алб.)
4	женщина среднего возраста	албанка	алб., чрнг.	алб., чрнг.
		«мрковка»	(а) чрнг. *(б) чрнг., алб.	(а) чрнг. *(б) чрнг., алб.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦЕ

1. Порядок перечисления языков в столбце «язык(и)» отражает порядок их усвоения. Первым указывается язык, усвоенный в раннем детстве, т. е. в возрасте до пяти лет.
2. Порядок перечисления языков в столбце «общение внутри села» отражает то, как говорящие используют их в коммуникации: первый — язык, который используется чаще, второй — реже.
3. В скобках указан язык, которым носитель владеет пассивно (по утверждению других членов сообщества, «понимает, но не говорит»).
4. Буквами (а) и (б) обозначены разные языковые компетенции внутри одного профиля. Например, женщины среднего возраста, которые происходят из сел мрковичей («мрковки»), в Веля-Горане владеют только черногорским (а), либо черногорским и албанским (а). Следует подчеркнуть, что в современном сообществе Веля-Гораны двуязычны в основном пожилые «мрковки». В среднем поколении единственный пример усвоения второго (албанского) языка женщиной из монолингвального села мрковичей, отмеченный в таблице астериском *, зафиксирован в семье О., которая по мужской линии состоит из этнических албанцев и использует албанский в качестве основного языка внутрисемейного общения.

Как видно из таблицы, взрослое мужское население Веля-Гораны составляют билингвальные «горанцы». Они, как правило, усваивают албанский язык в детстве от бабушек и матерей-албанок (Морозова 2017а: 225; Морозова 2017б: 138). Отмечено, однако, что мальчики начинают говорить по-албански позже, чем девочки (Морозова, Русаков 2018). Не в последнюю очередь это связано с тем, что старшие родственники мужского пола предпочитают общаться с маленькими детьми на черногорском, а матери-албанки «не заставляют» сыновей говорить по-албански, если те «не хотят».

Женскую часть сельского сообщества составляют «мрковки» (женщины из монолингвальных сел мрковичей, чрнг. *mrkòvka*) и более многочисленные албанки, которые овладевают вторым языком после замужества. Женщины-уроженки Веля-Гораны в таблице не отражены, поскольку девушек, как правило, выдают замуж в другие села, и на языковую ситуацию в Веля-Горане они после этого не влияют. Для албанок усвоение второго языка является обязательным, в то время как «мрковки» могут не говорить по-албански (или «не говорить, но понимать») даже после длительного проживания в Веля-Горане (Морозова, Русаков 2018). Примечательно, что пожилые албанки в Веля-Горане, по их собственному утверждению, используют черногорский значительно чаще, чем албанский, «забывая» родной язык. У более молодых албанок подобной смелости доминанции не наблюдается, и в общении со всеми билингвальными родственниками и соседями они свободно используют албанский язык.

3. Балканский полилог в Веля-Горане. Выбор языка и переключение кодов

Речевое поведение билингвальных говорящих, социолингвистические профили которых показаны в таблице 1, отражено в нижеследующих примерах полилогов, записанных в Веля-Горане в присутствии или при непосредственном участии одного или нескольких исследователей. Примеры дают представление не только о том, как происходит коммуникация между членами сообщества, но и о «правилах», регламентирующих общение с наблюдателем, который к данному сообществу не принадлежит (подробнее о проявлениях «парадокса наблюдателя» в Веля-Горане см. (Морозова 2017б)). Реплики на черногорском и соответствующие им переводы

на русский язык выделены курсивом; реплики на албанском и их переводы приводятся без выделения. Комментарии, не являющиеся частью высказываний, и авторские дополнения в переводах даются в квадратных скобках.

ПРИМЕР 1. Исследователь В, владеющий литературным албанским и сербским языками, беседует на албанском с двумя знакомыми молодыми албанками А1 (1981 г. р.) и А2 (1987 г. р.). А1 родом из албанского села в окрестностях Улциня и достаточно хорошо владеет двумя языками сообщества. А2 родом из Албании и до замужества практически не имела контактов с черногорским; теперь, хотя она может говорить на этом языке и понимает его, все билингвальные члены сообщества Веля-Гораны в ее присутствии предпочитают использовать албанский. Приходит пожилой «горанец» Б (1925 г. р.), которому исследователь не знаком, здоровается и заговаривает с албанками.

<...>

- 1 Б n ató s̆rija, po t piet, z dijn mē s̆t̆eip. vétəm s̆rija poft.
 ‘В тех домах, если спросишь, не знают албанского. Только дома внизу’.
- 2 А1 Јл, taš kan fišú atá e dijn, tána e dijn.
 ‘Нет, теперь они начали и знают, все знают его’.
- 3 Б А, pak gəçeni. As e kan t̆eef d̆z̆uhən me fol. *Ne, bre!*
 ‘А, врете немного. Они и не хотят говорить на [албанском] языке. *Нет, бре!*’
 [Пауза. Б обращается к исследователю.]
- 4 Б *Ti si sáta dóšla?*
 ‘Ты одна приехала?’
- 6 В *Sáta.*
 ‘Одна’.
- 7 Б *Kóga ímaš od rodítele?*
 ‘Кто у тебя есть из родителей?’
- 8 В *Imat májku... Kam nánən...*
 ‘Есть мама... Есть мама...’
- 9 Б *Ge si ti s̆iptarski... támo, u Rúsiju?!*
 ‘Где ты албанский [выучила]... там, в России?!’

- 10 **A1** *Ne, ne, ne. Me ne e ka msu!*
 ‘Нет, нет, нет. С нами выучила!’ [смеется; A2 и B тоже смеются]
- 11 **Б** *Bráteu imaf li?*
 ‘Братья у тебя есть?’
- 12 **В** *Ne, jedinit̃sa sam.*
 ‘Нет, я одна [в семье].’
- 13 **Б** *A, ti sámo si jedína?! Pa, ti móraf da izáberef m̃za! Ima pr̃dnost. Jedína móze izábrat m̃za.*
 ‘А, ты только одна?! Так тебе надо выбрать мужа! [В, А1, А2 смеются]
 Есть преимущество. Единственная [дочь] может выбрать мужа’.
- 14 **A2** *E ka d̃zet búrin!*
 ‘Она нашла мужа/мужчину!’
- 15 **Б** *Po mir, si ijt ai bur?*
 ‘Ну, хорошо, а каков этот муж/мужчина?’
- 16 **В** *əft i mir. Jetón nə Rusí.*
 ‘Хороший. Живет в России’.
- 17 **Б** *A ijt i r̃f̃əm?*
 ‘Он симпатичный?’
- 18 **В** *Po.*
 ‘Да’.
- 19 **Б** *S mun me ken at̃ i r̃f̃əm si ti.*
 ‘Он не может быть таким же симпатичным, как ты’. [В, А1, А2 смеются]

Реплики 1–3 иллюстрируют стратегии выбора языка, типичные для данного сообщества. Как следует из таблицы 1 и подробно показано в (Русаков, Морозова 2018), молодые албанки чаще (практически всегда) общаются с билингвальными домочадцами и соседями на родном языке. Последние предпочитают отвечать по-албански, «подстраиваясь» под поведение собеседниц(ы), и поведение Б, избегающего ПК в беседе с А1 и А2, вполне соответствует этой стратегии.

Переключение с албанского языка на черногорский происходит, когда Б обращается к исследователю (4). Это согласуется с ранее высказанными соображениями о влиянии наблюдателя, который не является членом сообщества, на речевое поведение мужчин в Веля-Горане: «билингвальные мужчины-горанцы в присутствии стороннего наблюдателя склонны подчеркивать свою “горанскую” (славянскую, поскольку Горана является частью славяноязычной крайины Мрковичи) идентичность» (Морозова 2017b: 141). Попытка исследователя перейти на албанский язык, продублировав на нем фразу, только что сказанную по-сербски (8), вызывает интерес Б, но не меняет стратегии его поведения. Ситуация меняется, когда Б убеждается в том, что другие участники полилога демонстрируют свою лояльность исследователю и готовы общаться с ним / в его присутствии по-албански (10, 14). В результате Б и В продолжают беседу на албанском языке как наиболее предпочтительном с точки зрения собеседниц-албанок (15–19).

Переход с одного языка на другой в рассматриваемом полилоге практически всегда происходит вместе со сменой говорящего. Исключением являются две реплики, в которых говорящие переключаются с албанского на черногорский (3) и с черногорского на албанский (10). Вначале в восклицании *Ne, bre!* говорящий Б, который вел разговор на албанском языке, употребляет междометие *bre*, используемое при обращении или для выражения удивления в ряде балканских языков, и предпочитает албанскому отрицанию *jo* ‘нет’ сербское/черногорское *ne* (3). В связи с этим можно предположить, что в языковом сообществе Веля-Гораны черногорский играет роль прагматически доминантного языка (*pragmatically dominant language*), который, по определению Я. Матраса, служит для билингвальных говорящих источником дискурсорегулирующих элементов — междометий, сентенциальных и фокусных частиц, союзов и пр. (Matras 1998: 293–294). Поэтому включения на этом языке в албанскую речь могут встречаться и у албанок, в языковом репертуаре которых он занимает скорее субдоминантное положение. Далее албанка А1, довольно эмоционально отвечая на реплику (9), произнесенную на черногорском, также употребляет славянское отрицание *ne*, после чего переходит на албанский, чтобы произнести шутку (10). Переключаясь на албанский язык, она, по-видимому, хочет быть уверенной, что ее шутку оценит, вместе с остальными, собеседница А2, которой проще понимать албанскую речь.

Пример 2. Несколько исследователей, владеющих в той или иной степени литературным сербским и албанским языками (в расшифровке полилога один из исследователей обозначен как В), беседуют с пожилой билингвальной албанкой А (1952 г. р., живет в Веля-Горане около 50 лет). Беседа происходит в присутствии Б, пожилого жителя соседнего монолингвального села Мала-Горана, который, по его словам, немного понимает, но не говорит по-албански. А отвечает на вопросы о своем прошлом, заданные исследователями по-албански.

<...>

- 1 А Aftú kam punú. S kéna ^ankú kuĵ, kurdzā. Nismo se zātiti níkaet. Déri tæf kéna ken mir. E, bóga mi!
 ‘Так я работала. Мы никогда ни на что не жаловались. Мы никогда не жаловались. До сих пор у нас всё было хорошо. Ей-богу!’
- 2 Б *Imaf dóbro srīse i zbog tóga ti ne mózef da ne pótagnef.*
 ‘У тебя доброе сердце, из-за этого ты не можешь не помогать’.
- 3 А E pa, sváki da bog... da da tu bog ljépo... Uzmitë, poslúzite sámì, ájt. Mér eđé!
 ‘Да, каждому пусть Бог... даст ему Бог всё хорошее... [обращаясь ко всем] Возьмите, угощайтесь, давайте [указывает одному из исследователей на тарелку с домашней выпечкой]. Возьми еще!’
- 4 В *To je trétā...*
 ‘Это третья...’
- 5 А *I péta da búde... Ajd, hiđ, hiđ atā... Ne vólim lófo níkome da právim.*
 Nuk kam tēef me i bā ku i ketē.
 ‘Пусть и пятая будет! [другому собеседнику] Давай, оставь, оставь это [обращаясь ко всем]. Не люблю никому делать дурное. Не люблю никому делать дурное’.

Видно, что ПК в речи А довольно последовательно происходит при смене адресата. Выбор языка при этом, по-видимому, зависит от представлений А о языковых компетенциях собеседников, к которым она обращается. В частности, к исследователям, которые, по ее мнению, лучше знают албанский язык, она обращается исключительно по-албански. На реплики (2) и (4), произнесенные Б и В на сербском/черногорском,

А отвечает на том же языке, поскольку ее собеседники ранее демонстрировали менее высокую компетенцию в албанском. Обращаясь ко всем слушателям, А предпочитает черногорский: *Uzmite, poslužite sámi, ájt* ‘Возьмите, угощайтесь, давайте’ (3). Нередко она дублирует на этом языке сказанное по-албански (1, 5). Вероятно, такая стратегия поведения обусловлена в равной степени присутствием двух сторонних наблюдателей: представителя монолингвального сообщества соседнего села, а также наблюдателя «извне» (исследователя В), недостаточно хорошо владеющего албанским.

Переключение с албанского языка на черногорский и употребление распространенного сербского/черногорского эмоционально-экспрессивного выражения *bóga mi* ‘ей-богу!’ в реплике (1), как представляется, не мотивировано ожиданиями слушающих и установками говорящего. Оно может быть интерпретировано с точки зрения прагматической доминанции черногорского в сообществе Веля-Гораны.

ПРИМЕР 3. Исследователь В, владеющий литературным сербским и албанским языками, беседует на албанском с билингвальной албанкой А (1975 г. р., живет в Веля-Горане более 20 лет; черногорский, по ее словам, она усвоила только после замужества). Входит свекровь А, билингвальная «мрковка» Б (1939 г. р., родом из села Мала-Горана, живет в Веля-Горане около 60 лет), и, дождавшись паузы, начинает разговор с невесткой.

<...>

- 1 В Malsíja əft pjésa e Málit tə Zi?
‘Мальсия — часть Черногории?’
- 2 А Malsíja... kə ete n šcipní Malsí. Ešte Tuz. Ka Túzi anej Malsíja.
‘Мальсия... в Албании тоже есть Мальсия. И Туз. В Тузе, там Мальсия’.
[Пауза. В разговор вступает Б.]
- 3 Б *Sámo kənéf na rabótu... da prédef, kúpim to séno...* <нрзб>
‘Только ты поедешь на работу... приедешь, соберу то се-но... <нрзб>’
- 4 А Јл, јл.
‘Нет, нет’.
- 5 Б *Újtíe, újtíe da go úzme e...* <нрзб>

- ‘Дядя, дядя чтобы его взял... <нрзб>’
- 6 А По јл, тлј [прицокивает языком в знак отрицания].
‘Да нет, мой’¹.
- 7 Б *Zásto ne, moj?! Da zádžef* <нрзб>, *ja tēi...*
[с раздражением] ‘Почему нет, мой?! Заедешь <нрзб>, а я...’
- 8 А Mer vef ti, a? S kdm me јku.
[повышает голос] ‘Понимаешь ты, а? Не поеду’.

Стратегия поведения каждой из собеседниц в приведенном диалоге (реплики 3–8) представляет собой, скорее, отказ от ПК. Поскольку беседа, очевидно, неприятна им обоим, можно подумать, что этот отказ является преднамеренным (мотивированный выбор). Однако более длительное наблюдение над использованием двух языков в семье А и Б показали, что подобные диалоги, ведущиеся на двух разных языках, являются в ней нормой. Для А, как и для других албанок среднего возраста, основным языком общения является албанский. На этом языке отвечают на ее реплики и общаются с ней все члены семьи, кроме Б, которая владеет албанским как вторым языком, усвоенным после замужества, но в абсолютном большинстве ситуаций использует в коммуникации родной язык (ср. с пожилыми албанками, у которых родной язык с возрастом практически выходит из употребления и занимает субдоминантное положение). Можно заключить, что отказ от ПК, как и рассмотренное выше ПК «в интересах» собеседника, в целом не противоречит «правилам» коммуникации внутри изучаемого билингвального сообщества.

Пример 4. Исследователь В, владеющий литературным сербским и албанским языками, беседует с пожилой билингвальной «мрковкой» Б (1939 г. р., родом из села Мала-Горана, живет в Веля-Горане около 60 лет). Исследователь просит Б (по-сербски) рассказать о семье, из которой происходит Б.

- <...>
- 1 Б *Od moje familije, od moje majke nema, samo ja sam ostala.*
‘Из моей семьи, от моей матери никого нет, только я осталась’.
- 2 В *ja bárku jéni ња? ња đzinia e nãnãs?*

‘Из детей вашей матери вы одна? А по материнской линии [есть родные]?’

- 3 Б Ка džinía e nãnəs kam djálin e vəłáit, kurdža tjetər kam. Djálin e vəłáit me dy djelm e nüse. Atə e kam atje nalt, Metánoviće tear thúhet. *Metánovići se zóvu, ot tog séla. I táko ti je.*

‘По материнской линии есть сын брата [матери], никого у меня больше нет. Сын брата матери с двумя сыновьями и с женой. Он у меня [живет] там, наверху, что Метанович зовется. *Метановичи называется, из того села. Такие дела*’.

Как видно из примера, (преднамеренный) переход исследователя на албанский язык в реплике (2) вынуждает Б сделать аналогичный выбор и переключиться на албанский, подстраиваясь под собеседника. Тем не менее в конце реплики (3) она снова переходит на родной язык, дублируя на нем только что сказанное по-албански. В сравнении с поведением других пожилых билингвов («горанец» в примере 1 и албанка в примере 2), которые, как правило, делают выбор в пользу языка собеседника и в соответствии с его ожиданиями, поведение Б могло бы быть интерпретировано как маркированный выбор. Однако из диалога с участием той же информантки, приведенного в примере 3, видно, что подобный отказ от использования языка, на котором говорит собеседник, входит в число возможных стратегий речевого поведения в изучаемом сообществе.

ПРИМЕР 5. Фрагмент беседы исследователя В с «мрковкой» А из монолингвального села Куне (ок. 1970 г. р.), которая около 30 лет назад вышла замуж в Веля-Горану в семью О., состоящую по мужской линии из албанцев (в семье говорят преимущественно по-албански). Беседа с самого начала ведется на албанском языке.

<...>

- 1 В pláka dhe pláku flísnin serbišt pak?

‘Свекровь и свекор немного говорили по-сербски?’

- 2 А Po, pláku perfékt ka fol serbišt.

‘Да, свекор отлично говорил по-сербски’.

- 3 А Ёле pláka ka fol serbíšt bəł... pak aftú, s ka dit mir, *áli* ajł ka fol se nána plaks ajł *ísto* ka ken pej *mṛkojévítēa*, ajł ka fol serbíšt *perfěktno*.
 ‘И свекровь достаточно хорошо говорила по-сербски... немножко не очень, она хорошо не знала, но она говорила, потому что мать свекрови, она *тоже* была из *мркоевичей*, она говорила по-сербски *отлично*’.
- 4 А Knéne, knéna *mṛkojévítēi*, *znátŕi láskitē se prezivala*, *áli* ajł ma tēpəṛ ka fol šŕŕp.
 Там, там *Мркоевичи*, *значит*, *ее фамилия была Лашикич*, но она говорила больше по-албански’ (Соболев и др. 2018: 32–33).

В то время как приведенные ранее примеры 1–4 отражали по большей части случаи ПК, пример 5 иллюстрирует СК, которое в целом представляет собой не слишком частотное явление в речи билингвов Веля-Гораны. В албанской речи билингвальной «мрковки», которая достаточно хорошо владеет албанским языком, выученным в семье супруга, присутствуют неадаптированные вставки наречий (серб./чрнг. *perfěktno* ‘отлично’) и падежных форм существительных (вместо соответствующих форм алб. *Mërkot* употребляется номинатив мн. ч. серб./чрнг. *mṛkojévítēi* и генитив мн. ч. *mṛkojévítēa*), а также включения более протяженных фрагментов высказываний на черногорском (*znátŕi láskitē se prezivala...*). Наиболее вероятно, что СК в данном случае не является социально мотивированным и лишь отражает некоторую неполноту компетенции билингвального носителя в албанском языке. Заметим, что подобные примеры не встречаются не только в речи билингвов старшего возраста, которых отличает сбалансированный билингвизм с высокой компетенцией в обоих языках (даже если один из языков используется в реальной коммуникации значительно реже, чем другой), но и у албанок того же возраста, говорящих на черногорском.

Употребление в примере серб./чрнг. *áli* ‘но’ и *ísto* ‘тоже’, наряду с данными примера 1 и наблюдениями, сделанными на более обширном материале (Соболев и др. 2018: 32), позволяет заключить, что использование в албанской речи дискурсорегулирующих элементов из прагматически доминантного языка — черногорского — является общей особенностью билингвов, речевое поведение которых рассматривалось в этом параграфе.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ речевого поведения билингвов Веля-Гораны показал, что представители разных групп, или профилей, которые различаются полом, возрастом и происхождением, могут использовать неодинаковые стратегии выбора языка в билингвальной коммуникации внутри сообщества. У некоторых билингвов предпочтения в выборе языка и стратегии речевого поведения могут меняться с возрастом. «Горанцы», как правило, осуществляют выбор языка и (если необходимо) переключают коды в рамках полилога, «подстраиваясь» под собеседника. Однако для них больше, чем для других членов сообщества, характерно выбирать черногорский, а не албанский язык в присутствии стороннего наблюдателя, вне зависимости от того, на каком из двух языков проходит общение. Албанки старшего возраста чаще всего выбирают язык в зависимости от собеседника (результатом применения этой стратегии в полилоге становится ПК при смене адресата), в то время как албанки средних лет и молодые девушки предпочитают со всеми говорить по-албански. «Мрковки», выучившие албанский язык только после замужества, в любом возрасте предпочитают использовать «свой» язык в коммуникации.

С точки зрения правил речевого поведения, существующих в сообществе Веля-Гораны, и ожиданий коммуникантов, которые являются членами этого сообщества, *немаркированным выбором*, по-видимому, может считаться:

- 1) ПК в рамках диалога/полилога. Согласно определению К. Майерс-Скоттон, само ПК может быть немаркированной стратегией в билингвальных сообществах, внутри которых два в целом неравноправных языка используются как равные (Myers-Scotton 2006: 165). По-видимому, таким сообществом является Веля-Горана.
- 2) Отказ от ПК. Если отказ связан с присутствием стороннего наблюдателя, с точки зрения сообщества Веля-Гораны он может быть интерпретирован как немаркированный выбор. В частности, использование черногорского в ситуации, когда собеседник-наблюдатель говорит по-албански, может подчеркивать «горанскую» (славянскую) идентичность. Отказ от ПК в беседе с членами своего сообщества

(например, использование черногорского, даже если все участники беседы говорят по-албански) также представляет собой немаркированный выбор, ибо такое поведение, по мнению сообщества, не нарушает ожиданий говорящего.

Как представляется, длительное и равноправное (т. е. без видимой доминанции) сосуществование двух языков в Веля-Горане приводит к высокому уровню «языковой толерантности» сельского сообщества, которая проявляется, в частности, в приемлемости самых разных сценариев речевого поведения. Эта «толерантность» становится, в свою очередь, одним из важных факторов, поддерживающих стабильность билингвальной ситуации в селе. Интересен вопрос, насколько положение дел, наблюдаемое в Веля-Горане, является (или являлось) типичным для других микросообществ Балкан и характерным для балканского полилога в целом.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Вујовић 1969 — *Вујовић Ј.* Мрковићки дијалекат (с кратким освртом на сусједне говоре) // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XVIII. Расправе и грађа. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1969. С. 73–399.
- Головко 2001 — *Головко Е. В.* Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб.: Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2001. С. 298–316.
- Јовићевић 1922 — *Јовићевић А.* Црногорско приморје и Крајина // Српски етнографски зборник. Књ. 11. Уред. Ј. Цвијић. Београд, 1922. С. 1–171.
- Морозова 2017а — *Морозова М. С.* Албанский говор или говоры Гораны? Генезис и функционирование // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 2. С. 222–237. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.207.
- Морозова 2017б — *Морозова М. С.* Парадокс исследователя на Балканах: переключение кодов у билингвальных информантов при интервьюировании // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 года / Ред. колл.: М. М. Макарецев, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: ИнСлав РАН, 2017. С. 137–143.

- Морозова, Русаков 2018 — *Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // *Словѣне*. 2018. В печати.
- Русаков 2004 — *Русаков А. Ю.* Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004.
- Соболев 2015 — *Соболев А. Н.* Мрквичи (и Горана): языки и диалекты черногорского Приморья в контексте новейших балканистических исследований // В. Demiraj (hrsg.). *Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung (5.-8. Juni 2014, Vuçimas bei Pogradec, Albanien)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. С. 533–556.
- Соболев и др. 2018 — *Соболев А. Н., Кислиер М. Л., Козак В. В., Конёр Д. В., Макарова А. Л., Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан. Доклад на XVI Международном съезде славистов, Белград, 19–27 августа 2018 года. СПб.: Наука, 2018. 55 с. (= *Acta Linguistica Petropolitana XIV*, 2018. Отдельный оттиск). DOI: 10.30842/alpi23065737190818.
- Auer 1998 — *Auer P.* *Bilingual conversation revisited* // P. Auer (ed.). *Code-Switching in Conversation: Language, Interaction and Identity*. London; New York, 1998. P. 1–24.
- Giles et al. 1991 — *Giles H., Coupland J., Coupland N.* Accommodation theory: communication, context, and consequence // *Giles H., Coupland J., Coupland N.* (eds.). *Contexts of Accommodation: Developments in applied sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 1–68.
- Gumperz 1982 — *Gumperz J. J.* *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982 (Studies in International Sociolinguistics 1).
- Heller 1988 — *Heller M.* Introduction // M. Heller (ed.). *Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1988. P. 1–24.
- Le Page, Tabouret-Keller 1985 — *Le Page R. B., Tabouret-Keller A.* *Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Matras 1998 — *Matras Y.* Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // *Linguistics* 36 (2), 1998. P. 281–331.

- Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Myers-Scotton 1993 — *Myers-Scotton C.* Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Myers-Scotton 2006 — *Myers-Scotton C.* Multiple voices. An Introduction to Bilingualism. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2007.

Maria Morozova (Saint Petersburg)

LANGUAGE CHOICE AND CODESWITCHING IN THE BALKAN POLYLOGUE (A CASE OF THE BILINGUAL COMMUNITY OF VELJA GORANA, MONTENEGRO)

ABSTRACT: The article describes strategies of language choice and codeswitching (CS) in the Slavic-Albanian bilingual community, which lives in the village of Velja Gorana in the south of Montenegro. An attempt has been made to find out how individual features of communicants (age, sex, origin, linguistic competence, etc.) influence the presence or absence of CS, and what conventions and rules governing the language choice and CS exist in the community. The study is based on dialogues and polylogues with the participation of monolingual and bilingual speakers, recorded during the field trips in Velja Gorana in the years 2014 and 2015.

KEY WORDS: language choice, codeswitching, code mixing, (un)marked choice, Slavic-Albanian bilingualism, mixed marriages

NOTE ON THE AUTHOR: PhD, research fellow at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (ILS RAS), lecturer at the Department of General Linguistics, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University (SPbSU). Email: morozovamaria86@gmail.com

РЕЗЮМЕ: В статье описываются стратегии выбора языка и переключения кодов (ПК) в славянско-албанском билингвальном сообществе, которое проживает в селе Веля-Горана на юге Черногории. Предпринята попытка выяснить, как на наличие или отсутствие ПК влияют индивидуальные особенности коммуникантов (возраст, пол, происхождение, уровень языковой компетенции и др.) и какие конвенции и «правила»,

регламентирующие выбор языка и ПК, существуют в изучаемом сообществе. Материалом для исследования служат записи диалогов и полилогов с участием моно- и билингвальных говорящих, сделанные в ходе полевой работы в Веля-Горане в 2014–2015 годах.

Ключевые слова: выбор языка, переключение кодов, смешение кодов, (не)маркированный выбор, славянско-албанский билингвизм, смешанные браки

Об авторе: Мария Сергеевна Морозова, к. ф. н., научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН), старший преподаватель кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Email: morozovamaria86@gmail.com